

С.А. Белановский, М.Э. Дмитриев
Политический кризис в России и возможные механизмы его развития

М.Э. Дмитриев

Уважаемые друзья!

Я благодарен всем за то, что в субботу в хорошую погоду, несмотря на обещанный дождь, все пришли. Это наше первое обсуждение «лицом к лицу», после того, как доклад вышел в публичное пространство. Конечно, до размещения на сайте мы его тоже обсуждали, но такое открытое, публичное обсуждение доклада в Санкт-Петербурге стало первым.

Я очень горжусь, что это произошло в моем родном городе, и хотел бы еще раз отметить цель самой публикации. Она состояла не в том, чтобы научить кого-то тому, что происходит в стране, и тем более, дать рецепт. Сам доклад возник потому, что мы, исходя, прежде всего, из нашей собственной социологии, которой занимается Сергей Белановский, - прежде всего, фокус-групп, которые являются опережающими индикаторами общественного мнения, - обнаружили, что вероятность перелома политических трендов очень велика. К тому, что сейчас пытаются интерпретировать и понять рейтинги – это никакого отношения к делу не имеет, хотя в нашем докладе эта тема освещается. Опираясь в прогнозе политических настроений на текущие рейтинги - это тоже самое, что пытаться предсказать кризис 2008 года, опираясь на текущие сводки о ценах нефти Brent в 2006-2007 годах. Это бессмысленно. Это информация о сегодняшнем дне, а не информация об опережающих индикаторах, которые нужны, когда тренд меняется. Поэтому споры о рейтингах, на мой взгляд, бесполезны. Они ничего не доказывают и не опровергают. Второе более или менее публичное обсуждение мы будем проводить в более закрытом режиме — на следующей неделе, в клубе «2015» в Москве. Сегодняшнее обсуждение является совершенно свободным. Желающие могут делать запись и если захотят сделать какие-то публичные комментарии, то все возможно. Однако, если будут прямые цитаты или отсылки на наши высказывания, то они будут нуждаться в авторизации, чтобы не было каких-то неточностей, искажений. Это открытая, публичная дискуссия и мы открыто формулируем наше мнение.

Целью доклада не ставилось дать рецепты. Последняя его честь, которая содержит политические сценарии и действия, возможность реакции на кризис, была продиктована не тем, что мы считали себя «семи пядей во лбу», чтобы научить всех. Мы столкнулись с другой проблемой: когда мы принесли информацию о переломе тенденций людям, мнение которых нам было важно (это около 20 экспертов, которые представлены поименно во введении доклада), то с тенденциями все более или менее соглашались, но не было случая, чтобы кто-то не задал вопрос: «А что с этим всем делать, как дальше быть и какие вменяемые политические сценарии возможны?», потому что все понимают, что мы оказались перед лицом кризиса, в условиях отсутствия конкурентной политической среды и незрелости оппозиционных сил, которые смогли бы составить альтернативу и основу для политического выбора населения. И наши предложения о мерах – это не более, чем спонтанные реакции на полное отсутствие понимания конструктивных альтернатив. Мы эти предложения фактически сформулировали за две недели до написания доклада. Принцип — попытаться максимально отталкиваться от уже существовавших ранее в российской истории прецедентов, которые в какой-то мере себя оправдали. Мы исходим из того, что это не более, чем затравка для дискуссии.

Сегодняшнюю встречу мы тоже рассматриваем, как способ еще раз поразмышлять над конструктивными путями политического реагирования на изменившуюся ситуацию, и будем очень благодарны за любые предложения. Дело не в том, что нас надо критиковать или хвалить, а чтобы искать любые возможные пути дальнейшего развития страны и использования тех возможностей, которые открывает кризис. Потому, что мы рассматриваем кризис, как серьезную политическую возможность. Так что здесь коллеги

мы ждем от вас активного участия в этой работе, которая сейчас является общим коллективным делом мыслящих людей страны с тем, чтобы дать возможность стране развиваться в позитивном направлении в ближайшие годы.

Это такая пафосная часть введения. Теперь, если переходить к докладу, то я не хочу его пересказывать. По опыту могу сказать, что люди, которые его читают, как правило, дочитывают его до конца. Мы прочитали примерно 300 страниц комментариев, большинство из которых свидетельствует о том, что люди внимательно изучали доклад. Я хочу добавить некую дополнительную тенденцию, которая в докладе освещения не получила, но, на мой взгляд, заставляет еще более серьезно задуматься о тех трендах и об их долгосрочной устойчивости, которые мы сформулировали сегодня. Эта тема состоит в следующем.

Мне буквально неделю назад попался очень свежий доклад Глобального Института Маккинзи о прогнозе развития крупнейших городов мира. У них есть специальная модель, которая включает и производственную функцию, и моделирование территориальных миграций. Они сделали прогноз для примерно 600 городов мира, плюс тех городов, которые могут войти в эту категорию к 2025 году. Я еще не дочитал этот доклад до конца, но мне попала очень интересная таблица, где они выделили первую двадцатку городов в 2025 году.

Совершенно не удивительно, что Москва там сильно проседает по многим показателям. Она не попадает в первую двадцатку по численности населения, потому что понятно, что у России нет демографического потенциала дальнейшего роста — это агломерации, а многие агломерации будут очень густонаселенными. По другим показателям Москва вообще выпадает куда-то далеко вниз, и я даже не отслеживал на каких она позициях. Но есть один показатель, по которому Москва оказалась на очень высоком для себя месте, по сравнению с тем, на которое она могла бы рассчитывать. И, как ни странно, этот показатель очень простой. Это абсолютное число семей с доходами выше, 20 000 долларов США в год на семью. По этому показателю мы близки к Нью-Йорку, Парижу и другим самым богатым западным агломерациям, многие западные агломерации превосходим. Хотя, по численности населения мы оказываемся меньше, чем эти агломерации, как это ни удивительно. Девятое место для Москвы, относительного маленького города по меркам 2025 года — это невероятное достижение. На самом деле это девятое место многое говорит о том, в каком направлении движется наша страна.

Эта тенденция особенно отчетливо проявляется с учетом еще одного важного демографического сдвига, а именно тенденции к сокращению общей численности экономически активного населения в ближайшие 15 лет, и того обстоятельства, что поколение, родившееся в перестройку очень многочисленное, войдет в самый продуктивный и профессиональный возраст. Сейчас оно еще находится в возрасте от 20 до 30 лет. Подобно бэби бумерам Парижа 1960-х, оно еще в студенческом возрасте и склонно к бунту, типа событий на Манежной. Но оно, возможно, является самым образованным из всех трудоспособных поколений в России и оно войдет в расцвет своей профессиональной жизни как раз в тот период, когда у нас особенно обострится дефицит на рынке труда.

Это значит, что кривая их доходов, в зависимости от возраста, будет гораздо круче, чем у любого предыдущего поколения в российской истории. Эти люди будут гораздо быстрее, и в более массовом количестве вступать в средний класс европейского типа, чем предыдущее поколение работников. Размеры этого среднего класса за прошлые 10 лет у нас выросли очень значительно, вопреки всем спорам и оценкам.

По нашим очень грубым оценкам, средний класс в России европейского типа, с европейскими доходами, будет расти темпом 5-6% в год в течении целых 10 лет. С электоральной точки зрения это достаточно однородная группа, потому, что она по-прежнему будет концентрироваться в крупнейших городах страны. Это очень концентрированная группа населения, очень компактно расположенная, общающаяся в

одном информационном пространстве, которым является Интернет и те СМИ, которым они доверяют, мыслящая не очень разнородно, исходя из нашей социологии.

С точки зрения политических последствий, невольно напрашивается аналогия с концом XIX и началом XX века в России. Перелом трендов, который мы сейчас связываем с кризисом, с разочарованием людей в экономической ситуации, и, соответственно, в способности властей повышать благосостояние, может стать устойчивым трендом не в силу кризиса, а именно в силу успешного развития страны в предыдущем десятилетии и в силу возможности его продолжения в следующие 10-15 лет.

Это действительно напоминает то, что произошло в Царской России в конце XIX века. Сперва было десятилетие самого быстрого за историю страны экономического роста эпохи С.Витте, дальше идет один из самых тяжелых и затяжных экономических кризисов XIX века. Это пятилетний кризис, который привел к большой безработице, и еще на него наложилось поражение в русско-японской войне. С одной стороны, промышленный подъем привел к появлению новой массовой группы людей, - пролетариата, который был сконцентрирован в крупных населенных пунктах, плохо управляем и политически недопредставлен. С другой стороны, кризис и война спровоцировали рост его недовольства и первую русскую революцию.

Что интересно, в руках этой группы людей оказался контроль над самой современной сетевой инфраструктурой той эпохи — железными дорогами и телеграфом. Впервые за всю историю XIX - начала XX века революция началась с забастовки железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. Массовых забастовок железнодорожников в истории XIX века в Европе не было. Это дало пролетариату огромное влияние на последующие события в стране.

То, что происходит сейчас в России — это по сути дела тоже формирование очень значительной массовой прослойки людей, которые, как мы увидели из нашей социологии, да и все это видят невооруженным взглядом, политически недопредставлены, поскольку нет политических сил, за которые они готовы сейчас голосовать. Она обладает доступом к самой передовой сетевой инфраструктуре XXI века – к Интернету. Она сконцентрирована в крупнейших городах, и фактически контролирует не только Интернет, но и большую часть других публичных каналов распространения информации по всей территории страны. Это оружие еще более страшное, чем железные дороги. Дальнейший количественный рост этого среднего класса будет означать непропорциональное усиление его влияния на общественно-политическую жизнь страны.

Какие следствия для партийно-политической системы? У нас возникает ощущение, что во многом в силу меняющихся предпочтений среднего класса существующая партийная система плохо приспособлена для того, чтобы осваивать этот растущий сегмент политического рынка. Этот сегмент остается никем не заполненной, но стремительно расширяющейся нишей, создающей гигантский политический вакуум, черную дыру в системе, которая засасывает в себя другие слои электората. Для того, чтобы понять, что происходит, достаточно взглянуть на предпочтения этого среднего класса. Они, судя по нашим фокус-группам, не совсем тривиальны. Эти люди отличаются (в последнее время это проявилось особенно сильно) недоверием к государству. В этом смысле они не либералы, а либертарианцы, которые не хотят полагаться на государство ни в чем и не верят ему ни в чем. В том числе они не верят и в либеральные реформы, которые проводятся. Они их осуждают и считают, что это такой же источник вреда со стороны властей, как и все остальное, что власти затевают.

При этом, что очень интересно, они являются носителями некоего своеобразного гуманизма. Наши фокус-группы показывают, что эти люди склонны проявлять сострадание к любым незащищенным группам населения и считают необходимым оказывать им социальную помощь, даже особенно не разбираясь, заслуживают ли они поддержки или нет с точки зрения социальной эффективности, рациональности и принципов социальной защиты. В этом плане они готовы полагаться и как на государство,

так и на собственную инициативу. Эта позиция их довольно сильно роднит с социал-демократами. Наиболее важный вопрос для этих людей сегодня, - то, что их действительно сейчас мобилизует, — это, политическое неравенство в смысле неравенства перед законом и невозможности добиться справедливости через институты правового государства, прежде всего, через суд. Это то, что является главным раздражителем. Антикоррупционные настроения у этой части населения тесно связаны с запросом на правовое государство.

Идеализировать этот средний класс не нужно. Значимой частью их ценностных ориентаций являются элементы национализма. Этот национализм, как нам кажется, в отличие от молодежного национализма, вылившегося в события на Манежной, не является агрессивным и ориентированным на насильственные действия. Агрессия характерна, скорее, для молодежи. А для людей, более зрелого возраста, которые составляют массовую основу среднего класса, характерен ненасильственный национализм, связанный со стремлением уменьшить угрозы для жизни и безопасности, исходящие из кавказского региона. Этот умеренный национализм может принимать и неконструктивные формы, в том числе, в силу отсутствия возможности политического выражения интересов среднего класса. Мы видим, как за последние недели в интернете стали проявляться тенденции радикализации общественного мнения в этой среде в том числе фактически оказалось снятым табу на дискуссию о дезинтеграции Российской Федерации. Это не только тема отделения Кавказа, но и идея распада России на крупные регионы, такие как Уральская и Сибирская республика. Мы можем указать уже десятки ссылок на сайты, на которых с большим энтузиазмом, оптимизмом, интересом обсуждают такую перспективу развития страны. Примерно также в конце 1990-х было снято табу на дискуссии о возможности распада СССР и СССР действительно вскоре после этого распался.

Теперь еще несколько слов по поводу партийно-политической системы. К некоторым выводам я смог прийти, наблюдая за принципами организации работы партий, которые долгое время были представлены в парламенте, в частности, «Яблока». Мне кажется, что средний класс сегодня не устраивает не только сама политическая повестка, персоналии лидеров и бренды партий, которые присутствуют на политическом поле, но сам формат их работы. Этой группе людей требуется партия нового типа.

В чем, например, состоит, по моему мнению, проблема «Яблока» и многих других традиционных партий? Почему у нее не получается поймать эту новую политическую струю? Хотя А.Навальный и является выходцем из этой партии, но он стал популярен только после того, как смог из «Яблока» уйти. Все современные крупные партии вышли из эпохи 1990-х. Они имеют разветвленную региональную сеть. С точки зрения политики 90-х годов это было огромным преимуществом. Потому, что массовый электорат был в регионах, и надо было иметь к нему доступ. Доступных широким слоям населения средств электронного диалога не было и, соответственно, для успеха на выборах очень важно было иметь многочисленный партактив.

Для партии, ориентирующейся на современный городской средний класс, этот партактив становится тормозом, а не преимуществом. Во-первых, большая часть среднего класса концентрируется и еще долгое время будет сосредоточена в нескольких крупнейших городах. Во-вторых, вести диалог с ним лицом к лицу нет необходимости. Эти люди сидят в сети и вести диалог с ними надо в сети. В-третьих, темп реакции на политические изменения, к которому привыкли эти люди, таков, что партия с большой региональной инфраструктурой оказывается слишком неповоротлива, чтобы успешно реагировать на эти потребности. В «Яблоке», как мы убедились, чтобы принять хоть какую-то резолюцию по серьезному политическому вопросу должен пройти цикл от 8 до 12 месяцев, пока региональный партактив осмыслит идею. Они приведут какие-то региональные совещания, потом соберут в Москве один из своих центральных органов, примут резолюцию. До этого руководство партии не вправе делать каких-либо серьезных

заявлений. Они могут делать необязывающие заявления, но оперативно формулировать позицию партии они не в состоянии.

Таким образом, партии старого формата оказываются не очень удобны для работы с этим электоратом, и, скорее всего, осваивать это поле будет какая-то новая политическая формация, которая не будет обременена устаревшими форматами партийной работы. Для создания «партии нового типа», ориентированной на средний класс все традиционные барьеры минимизированы. Если абстрагироваться от возможности искусственных препятствий со стороны Минюста в процессе регистрации партии, - понятно, что Минюст может любой партией помешать зарегистрироваться, - то издержки создания партии, ориентированной на интернет-аудиторию, окажутся минимальными. Деньги собирает сама интернет-аудитория. Они уже собрали деньги А.Навальному, и соберут гораздо больше, если он попросит. И любой такой харизматический лидер сможет в случае необходимости собрать миллионы долларов на деятельность партии. Работать через интернет гораздо дешевле, чем поддерживать сеть активистов по всей территории страны. Блогеры без труда напишут онлайн-программу своей партии в формате википедии. Концентрированный электорат требует живой партийной работы только в нескольких крупнейших городах, где такая партия и сможет набрать максимум голосов на выборах. Несколько эффективных лидеров, пользующихся доверием в интернете с минимальным стартовым бюджетом способны создать партию, которая в будущем сможет претендовать примерно на 40% голосов в стране. 40% — это доля среднего класса в России к 2025 году при сохранении темпов экономического роста 4-5 % в год. Это, хотя и оптимистические, но вполне достижимые темпы экономического роста.

Наши опережающие индикаторы в фокус-группах фиксируют краткосрочный перелом тренда. Но мы не можем сказать, исходя только из имеющихся данных, будет ли этот перелом необратимым или настроения населения начнут меняться в обратном направлении. Потому, что если следовать логике Дэниэла Трейзмана, который увязывает изменения в политической поддержке лидеров в нашей стране в основном с изменением экономических ожиданий населения, то нормализация экономической ситуации приведет к улучшению, экономических ожиданий, а вслед за ними пойдут вверх и рейтинги первых лиц. Но более долгосрочная тенденция, ведущая к появлению массового слоя российского населения с интересами, к которым уже не может апеллировать В.Путин, и к которым трудно апеллировать Д.Медведеву, - хотя он и пытается привлечь средний класс на свою сторону, - делает нынешний перелом тренда необратимым в долгосрочной перспективе и требует подготовки соответствующих долгосрочных политических изменений в стране.

Это дополнительные выводы к тому материалу, который мы уже представили вам в электронном виде. И я бы хотел попросить Сергея Александровича сформулировать несколько существенных комментариев по социологии, в том числе в отношении того, что мы можем ждать по итогам развития событий до конца весны, летом и осенью. Потому, что есть специфический социологический цикл, который сильно влияет на динамику общественного мнения в силу эффекта сезонности.

С.А. Белановский

Спасибо. Я здесь набросал себе некоторые тезисы. Сейчас я попробую их изложить, в том числе по поводу тех моментов, на которые обратил внимание Михаил Эгонович. Они, может быть, поначалу будут выглядеть несколько разрозненно, но где-то в конце они сойдутся и станет понятно, к чему я веду.

Для начала мне хотелось бы сказать, что у нас ведь были партии, которые, по крайней мере, позиционировали себя, может быть, даже искренне, как партии среднего класса, хотели опираться на образованных людей, на образованную молодежь. Это как раз «Союз правых сил» и упомянутое «Яблоко», которое, с моей точки зрения, с тех пор очень сильно трансформировалось. О сегодняшнем «Яблоке» я говорить не хочу. Поговорим о

том, каким оно было прежде. Этот вопрос я подробно изучал в свое время, а именно в 1999 году, когда обе «правые» партии потерпели сокрушительное поражение. И я могу сказать, что те месседжи, с которыми они пытались выступать, абсолютно не корреспондировали с менталитетом тех целевых групп, которые сами для себя и обозначили. Я не буду сейчас рассказывать об этом подробно. Это можно прочесть в на моем личном сайте www.sbelan.ru. Статья называется «Выборы 1999 года в зеркале фокус-групп».

По моим данным по крайней мере «СПС», потерял колоссальный электорат, который он мог отнять у «Единства». и кто знает, может быть вообще сама история в какой-то мере пошла бы иначе, если бы 20% депутатов были представителями именно этой политической силы в тот год. Михаил Эгонович совершенно правильно говорил о том, что партия среднего класса не должна копировать прежние аналоги, потому что те действовали, исходя из какой-то умозрительной идеологии. Первые лица, если назвать их актерами, очень плохо исполняли свои роли, причем, не искренне. Поэтому очень важно не повторить этот негативный опыт.

Наше общее мнение состоит в том, что мышление российского среднего класса не либертарианское, а скорее социально-демократическое. Я понимаю, что этих словах есть опасность редукции к какой-то банальности или, в силу сложившейся традиции понимания этого слова, некоторой неадекватности. Это вопрос, который требует уточнения. Но, так или иначе, важно то, что этот средний класс, в том числе и московский, — это все-таки наиболее образованная, наиболее модернизированная и квалифицированная часть российского общества.

На наш взгляд, одна из главных ошибок В.Путина состоит в том, что именно с этой категорией людей (а она не такая уж и маленькая!) его политический режим поссорился. Причем поссорился как-то безвозвратно и, как мне кажется, без особых на то оснований. К чему это может приводить? Есть такая пословица: «На полпути сторожит дьявол». Сейчас мы находимся на полпути, потому что в России, наряду с модернизированной частью общества, которая при желании легко вписывается в образ жизни западных стран, существует весьма значительная, и, в общем-то, превосходящая по численности категория людей, которых нельзя назвать модернизированными. Появилось даже такое слово «неоархаизация», которое означает, что есть определенные слои населения, где мы видим обратный процесс, не рост квалификации, а скорее ее разложение. Я говорю здесь об образовании, квалификации, трудоспособности, в широком смысле этого слова. И, опять-таки, мировой опыт, в том числе, опыт Аргентины говорит о том, что на настроениях таких людей можно очень легко играть.

И сейчас основная опасность мне видится в том, что в результате каких-то событий, будь то крупная забастовка, или что-то еще, в телевизор будет вытолкнута какая-то принципиально иная фигура, которая обратится к людям на понятном им языке. И результатом может стать приход к власти какого-то персонажа типа нашего В.Жириновского или некоторых латино-американских лидеров, как У.Чавес, Э.Моралес и др. Эти люди - хорошие манипуляторы, они постоянно лавируют, постоянно играют на настроениях масс, но их объективный вред состоит в том, что они тормозят развитие экономики.

Возникает вопрос: «Можно ли этому что-то противопоставить?». Я считаю, что можно. Давайте начнем с того, что мышление людей не жестко детерминировано. Оно в скорее амбивалентно. А можно сказать иначе: люди — это существа разумные, они способны воспринимать аргументы. К сожалению, возвращаясь к этой ошибке путинского режима, получилось так, что по телевизору звучат какие-то ретроградные месседжи, они очень активно транслируются, но нет никакой противоположной точки зрения, которая попыталась бы хоть как-то уравновесить эту ситуацию, переубедить людей и сформировать некий иной образ будущего, чем тот, к которому пытается апеллировать

Путин — к смутному образу возрождения советского прошлого. Этому путинскому месседжу нужно противопоставить некую иную идейную позицию.

Я приведу частный пример, значение которого велико. Принято считать, что в российском обществе пенсионеры — это одна из самых ретроградных социальных групп. Они голосуют соответствующим образом, у них высокая явка и т.д. Но я хочу сказать, что это абсолютно не так, поскольку по-настоящему к этим людям никто и не обращался. Я ручаюсь за свое свидетельство и любой опрос, я думаю, подтвердит, то, что я скажу. Дело в том, что пенсионеры очень озабочены судьбой подрастающих поколений, грубо говоря, судьбой своих внуков. Это для них тема чрезвычайной важности. И она смыкается с темой будущего страны. Парадокс, но пенсионеры озабочены будущим страны гораздо больше, чем молодежь. Пенсионеры в своей массе — это патриоты России. И если этим людям объяснить, что модернизация в интересах их детей, их внуков и последующих поколений, то еще неизвестно, кто победит в битве за их умы. Думаю, победит тот, кто сумеет по настоящему хорошо объяснить.

К сожалению, здесь мы наблюдаем какой-то странный феномен. Казалось бы, Президент Д.Медведев объявил курс на модернизацию. Тем не менее, никто в это не верит, и даже появились анекдоты, прямо как в брежневское время. Мне после нашего доклада много раз задавали вопрос — почему? Я отвечаю так: «Давайте представим себе середину 80-х годов, когда появилась «Продовольственная программа СССР». Я думаю, что если бы в тот момент можно было провести социологический опрос и спросить: «Хотели бы Вы, чтобы в магазинах появилось больше продуктов питания?», абсолютно все ответили, что хотели бы. А что касается Продовольственной программы, то здесь как-то не очень понятно, и она быстро стала предметом насмешек. Даже есть такой анекдот: «У Брежнева спросили, что ты там сочинил с Продовольственной программой?» Брежнев ответил: «Меня не правильно расслышали, я сказал: продовольствие-по-грамму».

Я не буду говорить о том, насколько программа Д.Медведева обоснована с объективной экономической точки зрения. Здесь Михаил Эгонович скажет лучше меня, что магистральным развитием, подъемом экономики в целом должно быть внедрение технологий среднего уровня, потому что только они могут обеспечить быстрый рост производительности труда, массовые зарплаты и массовые рабочие места. А проекты типа Сколково — это, в лучшем случае, задел на отдаленное будущее и выдвижение его на первый план для многих людей представляется просто смешным, тем более, что мы даже толком не знаем, что там происходит. Может быть, это какая-то очередная лысенковщина.

На этом примере мы видим, что, казалось бы, правильные политические идеи в России могут оборачиваться своей противоположностью. Мы пришли к той ситуации, когда восстановилась риторика съездов КПСС. И еще с советского времени мы помним реакцию на нее людей. Вроде бы в материалах съездов и правильные вещи писали, но, с другой стороны, общее мнение было таково, что это к жизни отношения не имеет. Это предельно скучные материалы, никто не хотел их читать. Кто читал материалы съездов КПСС? Практически никто. Хотя, не такие уж глупости там были написаны, я вас уверяю, по крайней мере в экономической части.

Переходя к выводу, я бы сказал, что России объективно нужна модернизация. Далее, в России сам собой вырос немаленький социальный слой, который является носителем идей этой модернизации. Правда, может быть, в несколько ином понимании, оно отличается от технократического понимания властей. Казалось бы, надо дать политическое слово этим людям, дать им возможность переубедить остальную массу населения, дать возможность нарисовать некое альтернативное будущее, чем возврат к Советскому Союзу. К сожалению, — это была фундаментальная ошибка, — именно с этим слоем людей, т.е. с представителями среднего класса, правящий режим поссорился.

Но есть объективные вещи, есть тенденции экономического развития и мы видим, что они реализуются, они будут реализовываться. Есть прогнозы, на которые Михаил Эгонович ссылается. Это общемировые тенденции, их никому не удастся переломить.

Следовательно, из этого надо делать разумные выводы. Я согласен с Михаилом Эгоновичем, что нужно делать ставку на средний класс. На наиболее модернизированную, работоспособную и образованную часть российского общества. Нужно найти политическое выражение их мыслям, идеям, проблемам, их недовольству. Видимо, это может очень сильно изменить ситуацию в стране, даст возможность уйти от риторики риторик съездов, чтобы перейти к обсуждению реальных проблем, которые касаются всех, в том числе и будущие поколения, о которых так много думают пенсионеры. Спасибо.